

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
10 September 2019
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

**Мнения в отношении сообщения № 99/2016^{****},
принятые Комитетом в соответствии с пунктом 3
статьи 7 Факультативного протокола**

<i>Сообщение представлено:</i>	С.Л. (интересы которой представляют адвокаты Милена Кадиева и Жанета Борисова)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Болгария
<i>Дата сообщения:</i>	23 февраля 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная информация:</i>	Направлена государству-участнику 24 февраля 2016 года (в виде документа не издавалась)
<i>Дата принятия мнений:</i>	19 июля 2019 года

* Приняты Комитетом на его семьдесят третьей сессии (1–19 июля 2019 года).

** В рассмотрении данного сообщения участвовали следующие члены Комитета: Гладис Акоста Варгас, Хироко Акидзуки, Тамадер ар-Рамма, Николь Амелин, Гуннар Бергбю, Марион Бетель, Луиза Шалаль, Эстер Эгобамьян-Мшелиа, Наэла Мохамед Габр, Хилари Гбедема, Нахла Хайдар, Даля Лейнарте, Росарио Г. Манало, Лия Надарая, Аруна Деви Нараин, Ана Пелаес Нарваес, Бандана Рана, Рода Реддок, Эльгун Сафаров, Вэньянь Сун и Аиша Валь Верж.

*** В соответствии с правилом 61 Геновева Тишева не принимала участия в рассмотрении данного сообщения.

Справочная информация

1. Автор сообщения — С.Л., гражданка Болгарии 1982 года рождения. Она утверждает, что Болгария нарушила ее права, предусмотренные пунктами а)-с) и е)-g) статьи 2, пунктом а) статьи 5 и подпунктами с), g) и h) пункта 1 статьи 16 Конвенции, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией № 19 (1992) Комитета о насилии в отношении женщин, поскольку власти не предотвратили жестокого физического и психологического насилия, совершенного в отношении нее ее бывшим мужем, и не провели эффективного расследования. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу для государства-участника соответственно 10 марта 1982 года и 20 декабря 2006 года. Интересы автора представляют адвокаты Милена Кадиева и Жанета Борисова.

Факты в изложении автора сообщения

2.1 Автор вышла замуж за М. 4 июня 2000 года будучи 17-летней школьницей. Молодожены переехали в дом родителей М., где они жили вместе со своим сыном Х., который родился 31 октября 2000 года.

2.2 Автор утверждает, что на протяжении многих лет она являлась жертвой семейно-бытового насилия со стороны М., подвергавшего ее психологическому, эмоциональному и физическому насилию. В январе 2001 года М. три раза ударил автора за то, что она отказалась носить определенную одежду. С тех пор насилие в отношении автора участилось. Всякий раз, когда автор высказывала мнение, отличное от мнения М., он проявлял в ответ насилие и агрессию, крича на нее, толкая и пихая ее. Он также швырял вещами, бил предметы и ломал двери. В марте 2002 года М. избил автора, нанеся ей несколько ударов по голове за то, что она выключила телевизор в 23 часа, чтобы она и их сын могли спать. В результате она месяцами страдала от головных болей. В октябре 2006 года М. вновь избил автора в присутствии их сына. Муж не позволял автору навещать ее родителей, держа ее в изоляции в запечатом доме.

2.3 В марте 2007 года супруги расстались, но спустя месяц возобновили семейную жизнь после того, как автор узнала, что она беременна. Несмотря на беременность жены, М. продолжал жестоко обращаться с ней: столкнул ее с лестницы у них в доме, заявив, что она его «раздражает». М. также ругал сына за то, что он ленив, не убирает помещение и не помогает матери. Однажды он избил сына из-за того, что у мальчика застряла под диваном рука. М. также стал проявлять жестокость по отношению к их старой собаке: в присутствии ребенка он пнул ее ногой, поднял и швырнул на землю только потому, что животное начало есть без разрешения. Собака после этого заболела и едва могла стоять на ногах.

2.4 В сентябре 2007 года автор обнаружила, что у М. есть любовница. 7 сентября 2007 года М. покинул дом, оставив беременную жену с семилетним ребенком. Когда автор попыталась поговорить с М. и его любовницей, он столкнул ее с лестницы, а также попытался ударить свою мать, которая пришла вместе с автором. 26 ноября 2007 года родился их второй сын А.

2.5 В январе 2008 года супруги подали заявление на развод в областной суд Пловдива, который предоставил им развод по взаимному согласию на условиях, установленных автором, а именно, что М. будет платить за каждого ребенка алименты в размере 100 левов в месяц¹. Они также согласовали график ограниченных личных контактов между отцом и детьми.

¹ Лев — болгарская валюта; 100 левов равняются примерно 58 долларам США.

2.6 После развода М. не поддерживал никаких контактов со сыновьями и не выплачивал алименты вовремя. Автор подала в областной суд Пловдива жалобу с целью принудительного взыскания с М. алиментов, не выплаченных в течение предыдущих пяти месяцев. Когда бывший муж явился к автору и детям, он вел себя буйно и агрессивно. В присутствии детей он швырял табуреты и разбил об пол телефон. Х. был настолько травмирован, что после этого пришлось отвести его на прием к психологу. М. отказался участвовать в терапевтическом процессе и с 2009 года не виделся с Х.

2.7 В мае 2010 года М. подал иск в областной суд Пловдива об уменьшении размера алиментов со 100 до 60 левов и расширении прав на посещение. Суд постановил оставить сумму алиментов и права на посещение, установленные в его решении 2008 года, без изменений. М. подал апелляцию в окружной суд Пловдива.

2.8 В августе 2011 года М. в нарушение графика посещений забрал А. и в 20 ч 00 м оставил ребенка одного на стоянке рядом с домом родителей автора, вместо того чтобы привести его к автору домой.

2.9 31 августа 2011 года автор подала в Департамент защиты детей Пловдива жалобу на жестокое обращение М. со своими детьми. Департамент поручил социальному работнику М.П. заниматься этим делом. При этом Департамент не зарегистрировал никаких нарушений детских прав, поскольку, по его мнению, автор и М. представили противоречивую информацию.

2.10 20 сентября 2011 года автор подала жалобу на Департамент защиты детей Пловдива в Государственное агентство защиты детей в Софии. Агентство установило, что М. не осведомлен о положениях семейного права и что М.П. (социальный работник, занимавшаяся этим делом) сообщила, что напряженные отношения между родителями ставят под угрозу благополучие детей. С этого дня социальный работник стала проявлять по отношению к автору враждебность и агрессивность, а бывший муж начал приходить к дому автора и выкрикивать оскорбления. Автор подала жалобу на преследования в полицию, которая 26 октября 2011 года вынесла предупреждение М.

2.11 23 февраля 2012 года окружной суд Пловдива вынес решение, устанавливающее для М. более широкие права на посещения, которые должны были осуществляться в присутствии социального работника. Автор подала апелляцию на решение окружного суда в Верховный кассационный суд, который счел это решение окружного суда не подлежащим обжалованию.

2.12 Позднее в 2012 году автор подала еще одну жалобу на Департамент защиты детей, поскольку М. прекратил лечение А. и поджег петарды, которые четырехлетний ребенок держал в руках. В ответ на эту жалобу М.П. заявила, что она не может постоянно находиться рядом с отцом и следить за тем, как он обращается с ребенком. Автор подала жалобу в полицию, и М. во второй раз получил предупреждение не подвергать опасности жизнь и здоровье А.

2.13 В январе 2013 года автор позвонила А., когда он находился у отца в соответствии с установленным судом графиком, и обнаружила, что ребенок плачет, потому что он умолял отца отвезти его обратно домой, но отец отказался это сделать. Вопреки воле А. отец заставил ребенка ночевать у него дома. Автор подала жалобу в полицию, и М. было вынесено третье предупреждение.

2.14 В феврале 2013 года автор подала жалобу в Департамент защиты детей, повторно попытавшись получить помощь в связи с тем, что М. стремился принудительно установить контакт с детьми, не принимая во внимание их эмоции и тот факт, что за предыдущие годы он не построил с ними никаких отношений.

15 февраля 2013 года в Департаменте состоялась «примирительная» встреча родителей с участием двух социальных работников. Во время этой встречи М.П. заставила Х. в присутствии отца объяснить, почему он не желает контактировать с ним. После того как Х. не смог дать достаточно четких объяснений, М.П., напрямую обращаясь к ребенку, заявила, что наиболее вероятной причиной его отказа от контакта с отцом является то, что его мать ежедневно плохо отзывается об отце. Затем она заставила автора и ее второго сына выйти, в результате чего Х. остался наедине со своим отцом и социальными работниками. Несколько минут спустя Х. вышел из комнаты в слезах и сказал, что, несмотря на свои попытки объяснить жестокое и агрессивное поведение своего отца, присутствовавшие в комнате взрослые сообщили ему, что независимо от того, хочет он этого или нет, ему придется навещать своего отца. В этой связи социальные работники настоятельно рекомендовали автору допустить посещения ребенком отца, даже если он этого не хочет.

2.15 После столь травмирующей встречи в Департаменте защиты детей Х. отказался туда возвращаться. Автор обратилась в Государственное агентство защиты детей с жалобой на «ненадлежащее поведение» М.П. по отношению к ребенку, который и без того подвергнулся насилию и агрессии со стороны отца и в результате страдал нервным расстройством.

2.16 1 марта 2013 года автор отвела Х. к психологу, которая пришла к выводу, что он глубоко травмирован насилием, совершаемым отцом в отношении матери, и что принудительный подход был бы контрпродуктивным. Она рекомендовала родителям обратить внимание на эмоции Х. и пройти вместе семейную терапию, но М. отказался в ней участвовать.

2.17 В июне 2013 года Государственное агентство защиты детей признало факт нарушения прав детей и риск, связанный с отношениями между отцом и его сыновьями, однако затем перестало заниматься этим делом.

2.18 С июня по ноябрь 2013 года М. исчез из жизни своих детей. В сентябре 2013 года М.П. позвонила автору, чтобы побудить ее обратиться в социальные службы. После этого звонка автор направила в Департамент защиты детей заключение психолога об эмоциональном состоянии ее детей, отметив также недавнее исчезновение их отца.

2.19 15 февраля 2014 года М. встретился с А. по месту жительства своих родителей в соответствии с графиком посещений, составленным судом. М. позвонил автору, оскорбил ее так, что А. это услышал, и обвинил ее в поведении их сына, который в течение всего этого посещения плакал.

2.20 Во время посещения 1 марта 2014 года М. отобрал у А. мобильный телефон и не разрешил ему присутствовать на праздновании дня рождения своего друга. М. также накричал по телефону на Х., обвинив его в том, что он настроил своего брата против отца. Когда бабушка заметила, что А. хромает, и спросила М., показал ли он ребенка врачу, М. вышел из себя и стал кричать, что А. «работает на публику» и притворяется пострадавшим и что все нарочно изводят М.

2.21 4 марта 2014 года автор долго беседовала со своим бывшим мужем по телефону, предложив ему обратиться к психологу, чтобы он помог ему наладить конструктивное общение. М. согласился, однако на запланированную консультацию не пошел.

2.22 19 апреля 2014 года М. заставил А. остаться у него на ночь и не позволил Х. поговорить с А. по телефону. Он угрожал подать в суд на Х. за то, что тот настроил А. против отца. В присутствии А. М. также оскорбил автора, заявив,

что она «сексуально неудовлетворена» и что ей «нужно найти еще 10 мужиков». Х. был очень зол на М., расстроен и весь дрожал.

2.23 Обеспокоенная состоянием своих сыновей, автор 25 апреля и 8 мая 2014 года возила их в терапевтический центр. Отец был приглашен, но отказался присутствовать. По мнению психолога, А. хотел бы контактировать с отцом, но, если ребенка будут заставлять ночевать в отцовском доме, это будет его травмировать, и, чтобы построить полноценные отношения с отцом, потребуется время. Мнение относительно Х. заключалось в том, что он ощущает отчуждение по отношению к отцу и испытывает прочную привязанность к матери. Психологом не было обнаружено никаких признаков того, что мать каким-либо образом повлияла на ребенка в этом отношении.

2.24 30 апреля 2014 года А. истерически плакал и испытывал затруднение с дыханием, потому что не хотел встречаться с отцом. Во время посещения А. отец вновь в присутствии ребенка оскорбил автора и ее мать, назвав их «дурами», «суками» и «ненормальными». М. подал в полицию жалобу на преследования, обвинив автора в том, что она настраивает против него А. и досаждала ему по телефону. Вернувшись после посещения отца, А. рассказал, что был свидетелем того, как отец кричал на бабушку и оскорблял ее, называя «сукой» и «ступой курицей». Автор подала жалобу в полицию. 9 мая 2014 года ее вместе с двумя детьми вызвали в третий полицейский округ Пловдива, где их допросили об обстоятельствах, приведших к подаче двух жалоб, а именно отцовской и материнской.

2.25 14 мая 2014 года автор в личном качестве и от имени двух своих детей подала жалобу в областной суд Пловдива, запросив у него чрезвычайное защитное предписание с целью оградить ее и детей от насилия со стороны М., как предписывается подпунктами 1, 3, и 4 пункта 1 статьи 5 Закона о защите от семейно-бытового насилия от марта 2005 года (с поправками 2009 года)². Суд издал распоряжение приостановить процедуру и просил автора указать конкретные эпизоды насилия, поскольку в пункте 1 статьи 10 Закона установлен срок в один месяц для подачи заявления о вынесении судебного защитного предписания, а описание происшествий должно было содержать конкретные факты, а не общую картину напряженных отношений между сторонами³. Автор представила дополнительную информацию, сославшись также на применимые судебные нормы, касающиеся семейно-бытового насилия, на соответствующие дела договорных органов Организации Объединенных Наций и Европейского суда по правам человека и на Закон о защите детей. На основании статьи 18 Закона о защите от

² Закон о защите от семейно-бытового насилия, статья 5 (1): «Защита от семейно-бытового насилия обеспечивается посредством любой из следующих мер: 1. Возложить на ответчика обязательство воздерживаться от применения семейно-бытового насилия; ... 3. Запретить пребывание ответчика в непосредственной близости от дома, места работы, мест социальных контактов или отдыха потерпевшего на таких условиях и на такой срок, которые установлены судом; 4. Временно переселить ребенка с потерпевшим родителем или родителем, который не совершал соответствующего насильственного действия, на таких условиях и на такой срок, которые определяются судом, при условии, что это не противоречит наилучшим интересам ребенка». Имеется в Глобальной базе данных о насилии в отношении женщин Структуры Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин по адресу <https://bit.ly/2UPxCFa>. Дело было зарегистрировано в качестве гражданского дела № 7444/2014.

³ Там же, статья 10 (1): «Заявление или просьба подается в течение одного месяца со дня совершения акта семейно-бытового насилия». См. Глобальную базу данных о насилии в отношении женщин.

семейно-бытового насилия от 15 мая 2014 года суд издал чрезвычайное защитное предписание. 17 мая 2014 года копия этого предписания была вручена М., и ему было вынесено четвертое предупреждение полиции.

2.26 19 мая 2014 года М. подал жалобу на автора в полицию. 24 мая 2014 года полиция вынесла М. пятое предупреждение о том, что ему следует воздерживаться от противоправных действий в отношении автора и несовершеннолетних детей и строго соблюдать чрезвычайное защитное предписание областного суда Пловдива. 2 июня 2014 года областная прокуратура Пловдива распорядилась о проведении дополнительного расследования. Х. и автор предоставили в полицейском участке объяснения в отношении жалобы отца. Психолог с озабоченностью отметил, что дети начинают заметно нервничать, когда говорят о своем отце. 26 июня 2014 года полиция вынесла по жалобе М. заключение, в котором указывалось, что досудебного разбирательства возбуждать не следует.

2.27 25 июня 2014 года суд не позволил свидетелям автора говорить о каких-либо актах насилия, которые имели место ранее чем за месяц до подачи заявления, как это предусмотрено статьей 10 Закона о защите от семейно-бытового насилия. Адвокатом автора было высказано возражение, согласно которому в соответствии с международными стандартами, которые уже были представлены суду, срок в один месяц соблюдаться не должен, но это не было учтено судом. На протяжении всего разбирательства Суд проявлял больше снисходительности по отношению к свидетелям М. 1 июля 2014 года адвокатом автора было подано ходатайство о самоотводе судьи, в котором ему было отказано.

2.28 28 августа 2014 года областной суд Пловдива вынес решение об отклонении заявления автора о вынесении судебного защитного предписания в отношении М. на основании совершенного им психологического и эмоционального насилия. В своем решении суд указал, что автор описала в своем заявлении обстоятельства, которые имели место до начала срока в один месяц, установленного в пункте 1 статьи 10 Закона о защите от семейно-бытового насилия, и ожидала, что суд примет во внимание акты насилия, которые имели место до начала этого срока. Суд также указал, что пункт 1 статьи 10 основан на принципе предметности, который требует, чтобы в заявлении о конкретном акте семейно-бытового насилия фигурировали установленные сроки, конкретное место и конкретная форма или проявление такого насилия, а не общие и абстрактные утверждения, и что суд не рассматривает акты насилия, имевшие место за пределами этих сроков. В нарушение правил, изложенных в Гражданском процессуальном кодексе, суд отказался рассматривать или комментировать показания подруги автора и не признал их в качестве имеющих доказательственную силу, поскольку они не были основаны на непосредственном наблюдении. Что касается заключений психолога, то суд отметил, что психологические травмы детей являются следствием напряженных отношений между родителями. В этих заключениях не содержится информации об агрессии отца или какой-либо иной форме семейно-бытового насилия. Суд согласился с мнением социального работника о том, что мать оказывала влияние на детей, обременяя их собственным негативным отношением к отцу. Суд также отметил, что имеющиеся доказательства свидетельствуют о межличностном конфликте, который нанес серьезный ущерб отношениям между родителями и оказал влияние на детей. Суд заключил, что автору не удалось подкрепить свое утверждение о семейно-бытовом насилии неоспоримыми доказательствами. Суд пришел к выводу, что отчуждение по отношению к отцу, отмеченное в Х., было спровоцировано матерью, которой следовало бы поддерживать в нем позитивное отношение к отцу, сделав этот вывод на основании того, что у несовершеннолетнего ребенка не было никаких причин занимать враждебную позицию по отношению к отцу, если он не подвергался агрессии или иным негативным формам поведения с его стороны. При этом суд

пришел к выводу, что в рассматриваемом им деле сообщения о таком поведении не были ни представлены, ни доказаны. Суд счел, что насильственные действия М. представляли собой защитную реакцию, спровоцированную поведением автора, которая постоянно звонила А. по телефону и настраивала своих сыновей против отца.

2.29 12 сентября 2014 года автор подала в окружной суд Пловдива апелляцию на решение областного суда Пловдива, содержащую подробный анализ всех разбирательств. 20 ноября 2014 года окружной суд Пловдива отклонил апелляцию автора, подтвердив свое решение об отказе издавать постоянное предписание о защите в соответствии со статьей 5 Закона о защите от семейно-бытового насилия.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что были нарушены ее права, предусмотренные пунктами а)-с) и е)-g) статьи 2, пунктом а) статьи 5 и подпунктами с), g) и h) пункта 1 статьи 16 Конвенции, которые следует рассматривать в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией № 19 Комитета⁴, поскольку государство-участник не приняло эффективных мер в ответ на семейно-бытовое насилие, совершенное по отношению к ней ее бывшим мужем.

3.2 Автор утверждает, что государство-участник пренебрегало своими «позитивными» обязательствами, предусмотренными Конвенцией, и поддерживало продолжение ситуации, связанной с применением в отношении нее семейно-бытового насилия, в нарушение своих обязательств по Конвенции. Автор утверждает, что болгарские женщины в непропорционально высокой степени страдают от того, что суды не воспринимают семейно-бытовое насилие как серьезную угрозу их жизни и здоровью и как один из факторов, препятствующих осуществлению их прав человека. Она также утверждает, что болгарские женщины в непропорционально высокой степени страдают от практики ненадлежащего судебного преследования или наказания лиц, виновных в семейно-бытовом насилии. Она далее заявляет, что на женщинах в непропорционально высокой степени сказывается то, что сотрудники правоохранительных органов, работники судебных органов и все соответствующие специалисты не проходят обучения по вопросам семейно-бытового насилия, а также то, что не проводятся мероприятия по сбору данных и ведению статистики о таком насилии.

3.3 Что касается нарушения пунктов а) и б) статьи 2 Конвенции, то автор утверждает, что отсутствуют: а) специальный закон о равенстве между женщинами и мужчинами; б) признание насилия в отношении женщин как одной из форм дискриминации; и с) позитивные меры в интересах женщин, пострадавших от семейно-бытового насилия; все это на практике приводит к неравенству и лишению женщин возможности осуществлять свои права человека.

3.4 Автор напоминает о заключительных замечаниях Комитета по объединенному второму и третьему периодическому докладу Болгарии, в котором Комитет настоятельно призвал правительство разработать ряд медицинских, психологических и других мер, предназначенных для оказания помощи женщинам — жертвам насилия и для искоренения распространенных взглядов на семейно-бытовое насилие как на частную проблему, а также поощрять женщин к тому, чтобы добиваться возмещения ущерба (A/53/38/Rev.1, часть первая, пункт 255).

⁴ Общая рекомендация № 19 Комитета предусматривает, что на государства может быть также возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации.

3.5 Автор напоминает также о заключительных замечаниях Комитета по объединенному четвертому-седьмому периодическому докладу Болгарии (CEDAW/C/BGR/CO/4-7, пункты 11–16), в которых Комитет выразил обеспокоенность в связи с тем, что государством-участником не указаны конкретные меры по запрещению дискриминации в отношении женщин и отражению принципа гендерного равенства во всех сферах, охватываемых Конвенцией, и тем, что еще не принят закон о гендерном равенстве. Он призвал государство-участника принять закон о гендерном равенстве, запрещающий все формы дискриминации по половым и гендерным признакам, ввести санкции за нарушения этого закона и закрепить принцип равенства между мужчинами и женщинами. Комитет настоятельно призвал государство-участника укрепить свои юридические механизмы рассмотрения жалоб, с тем чтобы все женщины имели фактический доступ к правосудию. Он также рекомендовал государству-участнику в оперативном порядке укрепить национальные механизмы по улучшению положения женщин путем расширения их полномочий и распространения информации о них.

3.6 Автор ссылается далее на общую рекомендацию № 19 Комитета, устанавливающую, что насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет пользование женщинами правами человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции. Автор отмечает, что, по мнению Комитета, на государства может быть возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия и наказания виновных. Комитет ясно дал понять, что обязательства государств-участников по осуществлению Конвенции фактически требуют от них искоренения насилия в отношении женщин, в том числе семейно-бытового насилия, путем принятия комплекса превентивных, защитных, реабилитационных мер и мер наказания, которые изложены в тексте общей рекомендации. Автор отмечает также, что Комитет заявил, что если государства-участники не приложат должных усилий для предотвращения нарушений прав женщин или для расследования и наказания виновных в совершении насилия в частной сфере, то они могут быть привлечены к ответственности. Комитет выдвинул принцип ответственности государства за семейно-бытовое насилие в своих многочисленных заключительных замечаниях. В частности, он вновь заявил, что государства-участники должны развивать потенциал для понимания значения понятия фактического равенства и недискриминации, что семейно-бытовое насилие является насилием по признаку пола, представляющим собой дискриминацию в отношении женщин, и что поэтому оно является нарушением прав человека⁵.

3.7 Автор напоминает, что в своей общей рекомендации № 21 (1994 года), касающейся равноправия в браке и семейных отношениях, Комитет отметил, что обычаи, традиции и неспособность претворить в жизнь законы, обеспечивающие равноправие и защиту от насилия, противоречат Конвенции⁶.

3.8 Автор утверждает, что в Болгарии не существует закона о равенстве мужчин и женщин и что в Законе о защите от семейно-бытового насилия семейно-бытовое насилие не признается в качестве гендерного насилия, представляющего собой дискриминацию в отношении женщин. Она утверждает также, что в

⁵ См. заключительные замечания Комитета по периодическим докладам, в частности Италии (см. A/52/38/Rev.1, часть вторая, глава IV, раздел В), Алжира (см. A/54/38/Rev.1, часть первая, глава IV, раздел В), Беларуси (см. A/55/38, часть первая, глава IV, раздел В), Буркина-Фасо (там же), Германии (там же), Камеруна (там же, часть вторая, глава IV, раздел В), Египта (см. A/56/38, часть первая, глава IV, раздел В), Гвинеи (там же, часть вторая, глава IV, раздел В) и Вьетнама (там же).

⁶ Общая рекомендация № 21, пункт 15; см. также пункты 13, 14, 16 и 17 этой рекомендации.

законодательстве не учитывается то, что семейно-бытовое насилие в Болгарии в непропорционально высокой степени затрагивает женщин, ограничивая и сводя на нет осуществление ими своих прав человека. Некоторые процедуры и положения Закона закрепляют это явление на практике, поскольку в них не заложен подход, соответствующий его специфике и требованиям международного права. Для того чтобы любая женщина, ставшая жертвой бытового насилия, могла на практике воспользоваться принципом равенства мужчин и женщин, а также своими правами человека и основными свободами, необходимо, чтобы политическая воля, нашедшая выражение в государственной системе, поддерживалась всеми государственными структурами, участвующими в исполнении взятых государством-участником обязательств по проявлению должной заботы. Поэтому с учетом всей информации, представленной в настоящем сообщении, Болгарию следует привлечь к ответственности за нарушение пунктов а) и b) статьи 2 Конвенции.

3.9 Что касается нарушения пунктов с) и e) статьи 2 Конвенции, то автор утверждает, что государство-участник не обеспечивает защиты от семейно-бытового насилия в силу ряда недостатков, а именно: а) отсутствия уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие; b) отсутствия эффективного осуществления Закона о защите от семейно-бытового насилия, включая неясность в отношении того, какие акты семейно-бытового насилия должны оцениваться в ходе судебного разбирательства, и неясность в отношении того, какая сторона несет бремя доказывания по этому закону; с) отсутствия координации действий между сотрудниками правоохранительных и судебных органов; d) отсутствия надлежащего обучения сотрудников правоохранительных и судебных органов и социальных работников по вопросам семейно-бытового насилия; и e) отсутствия мероприятий по сбору данных и ведению статистики о семейно-бытовом насилии. Вследствие этого автор долгое время подвергалась семейно-бытовому насилию физического, психологического и эмоционального характера, в том числе нападениям, побоям, принуждению и угрозам ее жизни. Двое ее сыновей подвергались эмоциональному насилию со стороны отца и насилию на институциональном уровне со стороны социальных служб, которые должны защищать детей и их права, а также претерпели насильственные действия со стороны суда, который обязан соблюдать международные и европейские стандарты в области прав человека и защищать права жертв семейно-бытового насилия.

3.10 Автор с обеспокоенностью отмечает, что суды Пловдива не приняли во внимание длительную историю физических и моральных издевательств, которым подвергались она и ее дети. Областной суд Пловдива не разрешил автору сообщения представить информацию обо всех актах семейно-бытового насилия, которые имели место во время ее замужества и после развода, несмотря на то, что она перечислила их в своем заявлении о вынесении судебного защитного предписания в связи с семейно-бытовым насилием. В ходе разбирательства суд не рассмотрел доказательства эмоционального и психологического насилия, представленные вместе с заявлением, и неверно истолковал устные показания свидетелей. При вынесении решения по данному делу суд — в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Закона о защите от семейно-бытового насилия — принял во внимание только те события, которые произошли в течение 30 дней до возбуждения разбирательства. Поэтому вся история семейно-бытового насилия, совершенного в отношении автора и ее детей, осталась полностью проигнорированной и недооцененной. Суд истолковал практику семейно-бытового насилия и издевательств как серию скандалов между сторонами, исходя из того, что их отношения носят ожесточенный характер из-за «провокационного поведения» автора. Такая оценка свидетельствует о полном непонимании ситуации и игнорировании страданий автора.

3.11 Автор напоминает, что Комитет уже отмечал, что болгарские суды применяют чрезмерно ограничительное определение семейно-бытового насилия, которое не предусматривается Законом о защите от семейно-бытового насилия, а весьма строгое толкование чисто процессуального требования, содержащегося в пункте 1 статьи 10 Закона, мешает им принимать во внимание историю семейно-бытового насилия⁷. Комитет рекомендовал государству-участнику внести поправки в положения пункта 1 статьи 10 Закона с целью отменить установленный крайний срок продолжительностью в один месяц и обеспечить, чтобы судебные постановления о защите выносились без необходимости соблюдения заявителем чрезмерно обременительных административных и юридических процедур⁸. В этой связи отсутствие в Законе о защите от семейно-бытового насилия ясности в отношении того, какие именно акты семейно-бытового насилия должны приниматься во внимание в ходе судебного разбирательства, несовместимо с обязанностью государства обеспечивать защиту от семейно-бытового насилия и представляет собой дискриминацию, поскольку недостатки этого Закона в непропорциональной степени сказываются на женщинах. Невершенство болгарского законодательства заключается в том, что оно рассматривает семейно-бытовое насилие как главным образом семейный вопрос, не требующий серьезного внимания общественности или уголовного преследования, и поэтому не гарантирует жертвам возможности возбудить процедуры, которые могли бы обеспечить их эффективную защиту.

3.12 Автор утверждает, что Закон о защите от семейно-бытового насилия не осуществляется эффективным образом из-за отсутствия ясности в отношении того, какая из сторон несет бремя доказывания в ходе судебного разбирательства и какую роль играют представленные доказательства. Автор заявляет, что отсутствие в Законе ясности в том, что касается бремени доказывания, несовместимо с обязанностью государства-участника обеспечить защиту от семейно-бытового насилия и является дискриминационным, поскольку недостатки этого закона непропорционально сильно сказываются на женщинах, которые, как правило, чаще всего становятся жертвами семейно-бытового насилия. Хотя Закон и предусматривает снятие бремени доказывания при рассмотрении дел о семейно-бытовом насилии, в нем отсутствует необходимая ясность на этот счет. Вместо этого в Законе содержится ссылка на нормы доказывания, фигурирующие в Гражданском процессуальном кодексе. Не обладая надлежащей юридической подготовкой, многие судьи продолжали применять критерий доказанности при отсутствии обоснованного сомнения в делах, связанных с просьбами о вынесении судебных защитных предписаний, и требовали, чтобы автор представила в судах доказательства по своему делу в соответствии с этим критерием. Автор утверждает, что в результате такого толкования и применения Закона, при котором не учитывались никакие доказательства семейно-бытового насилия в отношении нее, имевшего место до начала указанного периода в один месяц, суды не облегчили для нее бремя доказывания, тем самым лишив ее эффективной судебной защиты. Автор поясняет, что цель Закона — обеспечивать эффективную защиту жертв семейно-бытового насилия с учетом всей истории применения насилия, а 30-дневный срок, предусмотренный статьей 10 Закона, представляет собой чисто процедурные временные рамки для подачи жалоб. Она ссылается

⁷ См. дело «В.К. против Болгарии» (CEDAW/C/49/D/20/2008), дело «Джаллоу против Болгарии» (CEDAW/C/52/D/32/2011) и заключительные замечания Комитета по объединенному четвертому-седьмому периодическому докладу Болгарии (CEDAW/C/BGR/CO/4-7). См. также решение Европейского суда по правам человека по делу «Бевакуа и С. против Болгарии» (заявление № 71127/01) от 12 июня 2008 года, в котором Суд признал в рамках дела о семейно-бытовом насилии, что государство нарушило статью 8 Европейской конвенции о правах человека.

⁸ См. дело «В.К. против Болгарии» и документ CEDAW/C/BGR/CO/4-7.

на правовую практику Комитета, в рамках которой он указал, что болгарские суды применяют очень высокий стандарт доказывания, требуя, чтобы акт семейно-бытового насилия считался доказанным только при отсутствии обоснованного сомнения, тем самым полностью возлагая бремя доказывания на жертву⁹. Такой стандарт доказывания является чрезмерно высоким и не соответствует ни Конвенции, ни современным антидискриминационным стандартам, облегчающим для жертв бремя доказывания в ходе гражданских судебных разбирательств по жалобам на семейно-бытовое насилие. Соответственно, Комитет рекомендовал государству-участнику внести в этот закон поправки, с тем чтобы облегчить бремя доказывания в пользу жертв.

3.13 Что касается нарушения пунктов f) и g) статьи 2, то автор вновь заявляет, что по Закону о защите от семейно-бытового насилия такое насилие не признается в качестве преступления или одной из форм гендерной дискриминации. Этот закон содержит уголовно-процессуальные элементы, но в целом остается в рамках гражданского судопроизводства. Основным препятствием на пути его эффективного осуществления является непонимание специфики семейно-бытового насилия как одной из форм гендерной дискриминации, его корней, причин и последствий, пагубных для женщин и детей, и его вреда для общества в целом. Отсутствие надлежащей подготовки у лиц, занимающихся обеспечением соблюдения Закона, препятствует его практической реализации и осуществлению женщинами своих прав человека. Кроме того, уголовное законодательство Болгарии по-прежнему освобождает от уголовного преследования со стороны государства виновных в некоторых видах нападений, если они совершаются членами семьи, хотя государство преследует в судебном порядке за те же самые деяния, если они совершаются посторонним лицом (статья 161 Уголовного кодекса). Если только женщина не была убита или навсегда покалечена, государство не оказывает содействия в судебном преследовании виновных в семейно-бытовом насилии. Кроме того, государство не приняло и не применяет национального законодательства, в котором особое внимание уделялось бы предупреждению насилия и преследованию правонарушителей, и не проводит периодического обзора и анализа своего законодательства для обеспечения его эффективности в деле искоренения насилия в отношении женщин. Помимо этого, отсутствие финансируемых и поддерживаемых государством исследований о масштабах, причинах и последствиях насилия косвенно закрепляет негативное явление семейно-бытового насилия из-за нехватки информации о количестве таких случаев и о масштабах и распространенности этого явления, и поэтому ни государство, ни общество не считают его серьезным нарушением прав человека, затрагивающим широкую группу людей, главным образом женщин и детей, включая автора и ее детей. Отсутствие официальной статистики свидетельствует о том, что государство игнорирует и недооценивает эту проблему, и являет собой одно из нарушений государством своих международно-правовых обязательств в области борьбы с насилием в отношении женщин.

3.14 Что касается нарушения пункта a) статьи 5 и подпунктов c), g) и h) пункта 1 статьи 16, которые следует рассматривать в совокупности со статьей 1 Конвенции, то автор утверждает, что отсутствие принятого государством всеобъемлющего подхода к преодолению традиционных стереотипов в отношении роли женщин в семье и обществе, включающего принятие политических, правовых и информационно-просветительских мер при участии государственных должностных лиц, гражданского общества и средств массовой информации, создает благоприятную почву для насилия в отношении женщин и в действительности нарушает право автора на равенство.

⁹ См. дело «В.К. против Болгарии».

3.15 Автор просит государство-участника: а) принять незамедлительные и эффективные меры для защиты физической и психологической неприкосновенности автора и ее детей; б) обеспечить безопасность ее дома и предоставить ей надлежащее денежное пособие на детей и юридическую помощь; и с) предоставить ей надлежащую компенсацию за нанесенный физический и моральный ущерб пропорционально тяжести нарушений ее прав, предусмотренных Конвенцией.

3.16 Автор утверждает также, что государству-участнику следует принять общие меры в интересах женщин, пострадавших от семейно-бытового насилия, в частности внести поправки в Закон о защите от семейно-бытового насилия, с тем чтобы криминализовать акты такого насилия и нарушения судебных защитных предписаний, а также обеспечить выдачу таких предписаний на основании заявлений об актах насилия, совершенных до начала срока в один месяц, о котором говорится в статье 10 Закона; помещать виновных под стражу в зависимости от тяжести преступления; внести поправки в уголовное законодательство в целях проведения судебного расследования *ex officio* по делам, связанным с фактами нападения легкой и средней тяжести, когда жертва и виновный являются родственниками; прояснить бремя доказывания в разбирательствах, связанных с семейно-бытовым насилием, четко заявив, что Закон требует облегчения бремени доказывания для жертвы; постоянно проводить подготовку должностных лиц, ответственных за применение Закона; оказывать надлежащую поддержку неправительственным организациям, которые ведут работу по борьбе с семейно-бытовым насилием; и повышать информированность общественности о негативных последствиях такого насилия для женщин и детей, а также его финансовых последствиях для общества.

3.17 Автор заявляет, что она исчерпала все имеющиеся на национальном уровне средства правовой защиты и что этот вопрос не рассматривался в рамках какой-либо иной процедуры международного расследования или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 10 марта 2015 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения.

4.2 Что касается приемлемости сообщения, то государство-участник признает, что после утверждения 20 ноября 2014 года решения апелляционного суда об отклонении обвинения в совершении семейно-бытового насилия, выдвинутого автором в отношении ее бывшего мужа, автор не могла более подавать апелляцию в какой-либо другой суд Болгарии. Вместе с тем государство-участник утверждает, что автор не предприняла никаких шагов для получения защиты или помощи в соответствии с Законом о защите от дискриминации или Законом об ответственности государства и муниципалитетов за ущерб.

4.3 Что касается существа сообщения, то государство-участник представило информацию о своих усилиях по борьбе с насилием в отношении женщин, включая принятие в июле 2013 года плана действий для осуществления заключительных замечаний Комитета по объединенному четвертому-седьмому периодическому докладу Болгарии (CEDAW/C/BGR/CO/4-7) и принятие в апреле 2016 года Закона о гендерном равенстве в целях приведения национального законодательства и политики в большее соответствие со стандартами Европейского союза и международно-правовыми документами по вопросам гендерного равенства.

4.4 Государство-участник внедрило также финансируемый Норвегией в 2009–2014 годах проект, в рамках которого Министерство труда и социальной политики провело ряд мероприятий, направленных на укрепление потенциала учреждений и повышение профессиональной квалификации экспертов, занимающихся вопросами семейно-бытового насилия, включая разработку учебных материалов и проведение учебных практикумов для социальных работников.

4.5 Государство-участник утверждает, что оно осуществляет Закон о защите детей в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, которая предусматривает, что каждый ребенок имеет право на защиту от методов воспитания, унижающих его достоинство, от физического и психологического или иного насилия и от любых форм влияния, противоречащих интересам ребенка. Государство-участник ссылается на Закон о детских пособиях и Закон о социальной помощи, которые направлены на обеспечение мер социальной защиты и общинных социальных услуг для детей. Были также приняты меры по защите женщин и детей, находящихся под угрозой семейно-бытового насилия, в частности открыты кризисные центры, отделения матери и ребенка, центры социальной поддержки и центры социальной реабилитации и интеграции. Деятельность учреждений координируется в рамках подписанного в 2010 году соглашения о сотрудничестве, которое регулирует работу территориальных подразделений органов по защите детей в тех случаях, когда дети становятся жертвами насилия или подвергаются риску насилия, а также в кризисных ситуациях, требующих вмешательства.

4.6 Государство-участник отмечает, что прилагаемый к жалобе доклад Агентства социальной помощи был подготовлен в соответствии с единой процедурой, разработанной по рекомендации Омбудсмана, для проведения социальных расследований и подготовки социальных отчетов, требуемых судебными органами в связи с судебными разбирательствами с участием детей. В этой связи государство-участник отмечает также, что региональные и территориальные подразделения Агентства не выносят окончательного заключения в отношении прав на опеку, поскольку вынесение такого заключения относится исключительно к компетенции соответствующего суда.

4.7 Государство-участник утверждает, что Управлению социальной помощи Пловдива, отвечающему за принятие мер по защите от семейно-бытового насилия, известно о положении автора и ее детей из многочисленных сообщений, представленных автором. В ходе расследования этих сообщений было установлено, что договоренность о личных контактах между отцом и двумя детьми, установленная решением суда, не всегда соблюдалась. Государство-участник указывает, что компетентный орган по защите детей не обнаружил никакой опасности для детей, и поэтому никаких дел о наличии угрозы для ребенка по Закону о защите детей возбуждено не было. Государство-участник отмечает также, что родителей информировали об их правах и обязанностях в соответствии с положениями Закона о защите детей и Семейного кодекса. Кроме того, после того как М. подал ходатайство о предоставлении социальных услуг для улучшения его отношений с сыновьями, дело было передано в центр детских и семейных социальных услуг Пловдива.

4.8 Государство-участник отмечает, что в соответствии со статьей 4 Закона о детских пособиях автор с 2013 года получает пособия на двух своих детей. В настоящее время она получает 85 левов в месяц, а также на основании Закона о детских пособиях ей была предоставлена помощь в размере 250 левов.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 7 июля 2017 года автор представила свои комментарии к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения.

5.2 Автор считает, что государство-участник не оспаривает приемлемость сообщения. Что касается комментариев относительно защиты и помощи, предусмотренных Законом о защите от дискриминации, то автор утверждает, что этот закон не является эффективным или применимым к ее делу, поскольку: а) существует специальный закон о защите от семейно-бытового насилия, на который автор ссылалась в своем деле; б) Комиссия по защите от дискриминации исходит из того понимания, что семейно-бытовое насилие не является одной из форм дискриминации в отношении женщин; и с) Закон не предусматривает никаких мер по защите от семейно-бытового насилия, за исключением взимания с виновного штрафа в размере от 250 до 2000 левов. Что касается Закона об ответственности государства и муниципалитетов за ущерб, то автор утверждает, что к данному делу он неприменим.

5.3 По существу сообщения автор утверждает, что принятый в июле 2013 года институциональный план действий, на который ссылается государство-участник, через четыре года после его принятия выполнен не был. Что касается Закона о гендерном равенстве 2016 года, то автор заявляет, что этот закон неэффективен, поскольку он лишь подтверждает наличие существующих государственных структур и не предусматривает создания органа, который занимался бы разработкой и осуществлением государственной политики в области гендерного равенства, и не перечисляет конкретных санкций за несоблюдение законодательства; кроме того, отсутствует финансовая основа для осуществления этого законодательства.

5.4 Автор утверждает, что проект, финансируемый Норвегией в период 2009–2014 годов, осуществлялся в течение ограниченного времени и что не было принято никаких финансовых мер для обеспечения дальнейшего проведения мероприятий или поддержания проекта.

5.5 Автор утверждает, что после принятия Закона о защите от семейно-бытового насилия, несмотря на ее многочисленные просьбы как матери двоих детей и жертвы семейно-бытового насилия, Управление социальной помощи в Пловдиве не приняло никаких эффективных мер для защиты ее и ее сыновей.

5.6 В заключение автор утверждает, что государство-участник сосредоточило внимание на существующей правовой базе, не откликнувшись на предъявленные ею фактические требования. Поэтому автор вновь предъявляет жалобу на то, что были нарушены ее права, предусмотренные пунктами а)-с) и е)-g) статьи 2, статьей 5 и подпунктами с), g) и h) пункта 1 статьи 16 Конвенции, которые следует рассматривать в совокупности со статьей 1 Конвенции и общей рекомендацией № 19 Комитета, поскольку государство-участник не предоставило ей эффективной защиты от семейно-бытового насилия.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете*Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения*

6.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. В соответствии с правилом 66 своих правил процедуры Комитет может принять решение о том, чтобы наряду с рассмотрением данного сообщения по существу изучить вопрос о его приемлемости. Согласно

пункту 4 правила 72 Комитет должен решить этот вопрос до рассмотрения существа сообщения.

6.2 В соответствии с пунктом 2 а) статьи 4 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот вопрос еще не был рассмотрен и не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства и урегулирования.

6.3 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола он не вправе рассматривать сообщение до тех пор, пока он не удостоверится в том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны либо что применение таких средств защиты неоправданно затягивается или вряд ли принесет эффективную помощь¹⁰. В этой связи Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что автор не предприняла никаких шагов для получения защиты или помощи в соответствии с Законом о защите от дискриминации или Законом об ответственности государства и муниципалитетов за ущерб. Тем не менее Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что она исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты, которые могли бы принести достаточное удовлетворение требований и применение которых не было бы неоправданно затянутым. Как признало государство-участник, автор подала апелляцию в суд, и апелляционный суд в своем решении отклонил ее апелляцию на том основании, что решение окружного суда Пловдива не подлежит обжалованию. Комитет принимает также к сведению утверждение автора о том, что судебное разбирательство в соответствии с Законом о защите от дискриминации и Законом об ответственности государства и муниципалитетов за ущерб вряд ли обеспечит надлежащую эффективную помощь в настоящем деле о гендерном и семейно-бытовом насилии.

6.4 Комитет отмечает далее, что государство-участник не представило никаких разъяснений или подробностей относительно того, каким образом процедуры, предусмотренные этими законами, могли бы эффективно обеспечить соблюдение прав автора. Поэтому в связи с данным делом Комитет считает, что он не может сделать вывод о том, что внутренние средства правовой защиты, о которых упоминает государство-участник, принесут автору эффективную помощь; он также считает, что применение таких средств правовой защиты приведет к дополнительным необоснованным задержкам в разбирательстве. Следовательно, положения пункта 1 статьи 4 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению Комитетом настоящего сообщения. Комитет считает также, что у него нет причин признать сообщение неприемлемым на каких-либо других основаниях и, соответственно, объявляет его приемлемым.

6.5 Не усмотрев никаких препятствий для признания приемлемости сообщения, Комитет приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему автором и государством-участником, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 7 Факультативного протокола.

7.2 Комитет считает, что суть настоящего сообщения заключается в утверждении автора о том, что государство-участник не предоставило ей эффективной

¹⁰ Дела «Э.С. и С.Ч. против Объединенной Республики Танзания» (CEDAW/C/60/D/48/2013), пункт 6.3; и «Л.Р. против Республики Молдова» (CEDAW/C/66/D/58/2013), пункт 12.2.

защиты от семейно-бытового насилия в нарушение пунктов а)-с) и е)-g) статьи 2, пункта а) статьи 5 и подпунктов с), g) и h) пункта 1 статьи 16, рассматриваемых в совокупности со статьей 1 Конвенции.

7.3 Комитет напоминает о своей общей рекомендации № 19 и общей рекомендации № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления общей рекомендации № 19, в соответствии с которыми гендерное и семейно-бытовое насилие, затрудняющее или сводящее на нет пользование женщинами правами человека и основными свободами в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции. В рамках обязательства проявлять должную заботу, в том числе в частной сфере, государства-участники обязаны вводить в действие и осуществлять на практике конституционные и законодательные меры по борьбе с гендерным насилием в отношении женщин, совершаемым негосударственными субъектами (в том числе в сфере частной жизни и особенно в связи с семейно-бытовым насилием), включая принятие законов и создание учреждений и системы для борьбы с таким насилием, а также обеспечение их эффективного функционирования на практике и поддержки со стороны всех государственных субъектов и органов, обеспечивающих надлежащее соблюдение законов. Если государство-участник не принимает все надлежащие меры для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его органы власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам и пострадавшим от таких действий, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин или поощряет их. Такая пассивность и такое бездействие составляют нарушение прав человека¹¹. Отсутствие эффективной борьбы с гендерным и семейно-бытовым насилием наносит ущерб обществу, и прежде всего женщинам и детям.

7.4 Комитет рассмотрел статьи 5 и 16 в совокупности в своих общих рекомендациях № 19, 21 и 35; Комитет подчеркнул, что положения общих рекомендаций № 19 и 35, касающиеся насилия в отношении женщин, имеют большое значение для возможностей женщин пользоваться правами и свободами наравне с мужчинами. Он неоднократно заявлял, что насилию в отношении женщин способствуют традиционные представления, согласно которым женщины находятся в подчиненном положении по отношению к мужчинам. Комитет подчеркивает также, что полное осуществление Конвенции требует от государств-участников не только принятия мер в целях ликвидации прямой и косвенной дискриминации и улучшения фактического положения женщин, но и преобразования и изменения гендерных стереотипов, которые относятся к числу как коренных причин, так и последствий дискриминации в отношении женщин¹². Гендерные стереотипы закрепляются с помощью различных средств и институтов, включая законы и правовые системы, и могут закрепляться как государственными субъектами во всех ветвях и на всех уровнях власти, так и частными субъектами¹³.

7.5 Комитет отмечает, что в соответствии со статьями 2 и 5 государство-участник обязано принимать все соответствующие меры для изменения или отмены не только действующих законов и постановлений, но и обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин, а в соответствии с пунктом 1 статьи 16 государство-участник обязано принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во

¹¹ Общая рекомендация Комитета № 35, пункт 24 2) b).

¹² Дело «Белюсова против Казахстана» (CEDAW/C/61/D/45/2012), пункт 10.10.

¹³ Дело «Р.К.Б. против Турции» (CEDAW/C/51/D/28/2010), пункт 8.8.

всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений. В этой связи Комитет подчеркивает, что применение стереотипов затрагивает право женщин на справедливое судебное разбирательство и что судебные органы должны избегать формирования жестких стандартов на основе предвзятых представлений о том, что является семейно-бытовым или гендерным насилием, как отмечается в общей рекомендации № 33 (2015) по вопросу о доступе женщин к правосудию¹⁴.

7.6 В данном деле соблюдение государством-участником своих обязательств по искоренению гендерных стереотипов в соответствии с пунктами а)-с) и е)-g) статьи 2 и пунктом а) статьи 5 Конвенции, рассматриваемыми в совокупности с подпунктами с), g) и h) пункта 1 статьи 16, следует оценивать с точки зрения того, насколько власти учитывали гендерные факторы при рассмотрении дела автора. Поэтому, что касается заявления автора о том, что власти принимали решения исходя из гендерных стереотипов, то Комитет вновь подтверждает, что Конвенция возлагает на все государственные органы обязанность проявлять должную заботу и что государства-участники могут привлекаться к ответственности за судебные решения, нарушающие положения Конвенции¹⁵.

7.7 Комитет отмечает, что государство-участник приняло меры по обеспечению защиты от гендерного и семейно-бытового насилия, в том числе в соответствии с Законом о защите от семейно-бытового насилия. Однако для того, чтобы автор могла на практике реализовать принцип равенства между женщинами и мужчинами и свои права человека и основные свободы, политическая воля, выраженная в этих мерах и этом законе, должна опираться на поддержку всех государственных субъектов, в том числе судов, на которые распространяются обязанности государства-участника.

7.8 Исходя из представленных автором материалов Комитет отмечает, что законодательство государства-участника не обеспечивает эффективной правовой защиты от гендерного и семейно-бытового насилия, и это привело к нарушению обязательств государства-участника по пунктам а)-с) и е)-g) статьи 2. Комитет напоминает о своих соображениях по делу «В.К. против Болгарии», на основании которых он просил государство-участника внести поправку в пункт 1 статьи 10 Закона о защите от семейно-бытового насилия, положения которого предусматривают, что просьба о вынесении судебного защитного предписания должна быть представлена в течение одного месяца с даты совершения акта такого насилия, что было истолковано как исключение возможности рассмотрения в судах прошлых инцидентов, имевших место до начала соответствующего срока в один месяц¹⁶. По мнению Комитета, в аргументе о том, что, согласно этой статье, жертве необходимо подать заявление о вынесении судебного защитного предписания в течение одного месяца, поскольку целью такого предписания является обеспечение срочного судебного вмешательства, а не осуществление полицейского надзора за сожительствующими партнерами, недостаточно

¹⁴ Общая рекомендация № 33, пункты 26 и 27; в пункте 26 Комитет отмечает, что часто судьи устанавливают жесткие требования в отношении того, что, по их мнению, является надлежащей нормой поведения для женщины, и подвергают наказанию тех, кто не соответствует этим стереотипам, что стереотипы также негативно сказываются на доверии к заявлениям женщин, приводимым ими аргументам и их показаниям в качестве сторон и свидетелей в суде и что существование тех или иных стереотипов может стать причиной неверного толкования или применения законов судьями. См. также дела «Л.Р. против Республики Молдова», пункт 13.6; и «Й.И. против Финляндии» (CEDAW/C/69/D/103/2016), пункт 8.6.

¹⁵ Дело «В.К. против Болгарии», пункт 9.11; и дело «Л.Р. против Республики Молдова», пункт 13.6.

¹⁶ Дело «В.К. против Болгарии», пункт 9.9.

учитывается гендерная проблематика, поскольку этот аргумент отражает предвзятое суждение о том, что семейно-бытовое насилие в значительной мере является личным делом, относящимся к сфере частной жизни, которая в принципе не должна подлежать контролю со стороны государства¹⁷. В своих заключительных замечаниях по объединенному четвертому-седьмому периодическому докладу Болгарии (CEDAW/C/BGR/CO/4-7) Комитет вновь выразил серьезную обеспокоенность по поводу широкого распространения гендерного и семейно-бытового насилия, отсутствия конкретных положений, устанавливающих уголовное наказание за гендерное насилие, семейно-бытовое насилие и изнасилование в браке, отсутствия уголовного преследования за семейно-бытовое насилие и неспособности судебных органов следовать практике облегчения бремени доказывания для жертв, которая предусмотрена в Законе о защите от семейно-бытового насилия (там же, пункт 25). Он рекомендовал государству-участнику внести в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс поправки, в частности предусматривающие уголовное наказание за гендерное насилие, семейно-бытовое насилие и изнасилование в браке и возможность судебного преследования *ex officio* за такие правонарушения; внести поправку в пункт 1 статьи 10 Закона, с тем чтобы снять ограничение, предусматривающее подачу заявления о вынесении судебного защитного предписания в течение одного месяца, и обеспечить строгое соблюдение судебными органами пункта 3 статьи 13 Закона с целью облегчить бремя доказывания для жертвы; обеспечить женщинам, ставшим жертвами гендерного и семейно-бытового насилия, и их детям достаточное количество приютов, финансируемых государством, и оказывать поддержку неправительственным организациям, предоставляющим такие приюты и другие виды помощи жертвам семейно-бытового насилия; и организовать обязательное обучение судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов по вопросам применения Закона, в том числе касающимся определения семейно-бытового насилия и гендерных стереотипов.

7.9 Относительно настоящего дела Комитет напоминает, что областной и окружной суды Пловдива, применяя вышеупомянутый пункт 1 статьи 10 Закона о защите от семейно-бытового насилия и вынося свою оценку, в своем решении об отказе издать постоянное судебное защитное предписание по существу исходили из того, что на протяжении соответствующего периода в один месяц до подачи заявления не было никаких «доказательств семейно-бытового насилия» в отношении автора или ее детей и что агрессивное поведение М., по всей вероятности, было вызвано поведением автора. Поэтому суды пришли к выводу, что ответственность за психологическое состояние детей несут оба родителя.

7.10 Что касается судебных решений, то Комитет вновь заявляет, что он не вправе пересматривать оценку фактов и доказательств, вынесенную национальными судами или органами власти, за исключением случаев, когда такая оценка носит необоснованный характер или является дискриминационной в каком-либо другом отношении.

7.11 Комитет отмечает также, что невнесение государством-участником поправки в пункт 1 статьи 10 Закона о защите от семейно-бытового насилия непосредственно сказалось на возможностях автора добиваться правосудия и получать доступ к эффективным средствам правовой защиты и другим мерам защиты. Относительно настоящего дела Комитет отмечает, что в результате того, что государство-участник не внесло поправку в вышеупомянутую статью, суды не уделили должного внимания предыдущим сообщениям о гендерном и семейно-бытовом насилии со стороны М. и не приняли во внимание уязвимое по-

¹⁷ Дело «В.К. против Болгарии», пункт 9.12.

ложение автора и ее многолетние страдания. Комитет считает также, что материалы дела говорят о том, что государство-участник не выполнило свою обязанность принять все соответствующие меры с целью изменить социально-культурные модели поведения мужчин и женщин в интересах достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всех прочих видов практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или на признании их традиционных ролей.

7.12 Комитет признает, что автор сообщения понесла серьезный физический, психологический и материальный ущерб и стала жертвой предрассудков. На протяжении всего разбирательства дела автор не получала требуемой правовой защиты. Даже если Комитет будет исходить из того, что после окончательного отклонения ее иска, за подачу которого она понесла расходы, она не подвергалась физическому гендерному и семейно-бытовому насилию напрямую, следует признать, что ей все же был нанесен серьезный ущерб из-за отсутствия правовой и институциональной защиты и надлежащего реагирования на ее заявление и заявление ее детей.

7.13 Комитет отмечает также, что в своих замечаниях по данному делу государство-участник не оспаривает и не опровергает эффективным образом утверждения автора.

7.14 Действуя в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола и учитывая вышеизложенные соображения, Комитет полагает, что государство-участник не выполнило свои обязательства и тем самым нарушило права автора, предусмотренные пунктами а)-с) и е)-g) статьи 2, пунктом а) статьи 5 и подпунктами с), g) и h) пункта 1 статьи 16 Конвенции, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1 Конвенции и общими рекомендациями № 19, № 21 и № 35 Комитета.

7.15 Комитет выносит государству-участнику следующие рекомендации:

- a) в отношении автора сообщения:
  - i) незамедлительно принять эффективные меры, гарантирующие физическую и психологическую неприкосновенность автора и ее детей;
  - ii) обеспечить, чтобы автор получила надлежащие алименты на детей и правовую помощь, а также финансовую компенсацию, соразмерную физическому, психологическому и материальному ущербу, нанесенному ей и ее детям и соизмеримую с тяжестью нарушений их прав;
- b) в целом:
  - i) выполнить свои обязательства относительно уважения, защиты, поощрения и реализации прав человека женщин, в том числе права на защиту от всех форм гендерного и семейно-бытового насилия, включая запугивание и угрозы применения насилия;
  - ii) незамедлительно пересмотреть свое законодательство и, при необходимости, свои конституционные положения, с тем чтобы привести их в полное соответствие с Конвенцией и международными стандартами в области прав человека, включая общие рекомендации № 19 и № 35 и Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция); в частности, обеспечить, чтобы все акты гендерного и семейно-бытового насилия, включая насилие в семейной сфере, рассматривались как нарушения основных прав женщин и, таким образом, признавались уголовно наказуе-

мыми и подлежали санкциям; внести поправки в положения пункта 1 статьи 10 Закона о борьбе с семейно-бытовым насилием с целью отменить установленный крайний срок продолжительностью в один месяц и тем самым обеспечить, чтобы судебные постановления о защите выносились без необходимости соблюдения заявителем чрезмерно обременительных административных и юридических процедур; и обеспечить, чтобы положения Закона облегчали бремя доказывания для жертвы;

iii) завершить процесс ратификации Стамбульской конвенции, поскольку это позволит укрепить потенциал государства-участника в области борьбы с гендерным и семейно-бытовым насилием;

iv) оперативно, тщательно, беспристрастно и серьезно расследовать все заявления о гендерном насилии в отношении женщин, обеспечивать возбуждение уголовных дел во всех таких случаях, своевременно и быстро привлекать предполагаемых правонарушителей к ответственности и применять к ним надлежащие меры наказания, руководствуясь принципами справедливости и беспристрастности;

v) предоставлять жертвам гендерного насилия безопасный и оперативный доступ к правосудию, включая, когда это необходимо, бесплатную юридическую помощь, с целью обеспечить их доступными, эффективными и достаточными средствами правовой защиты и реабилитации в соответствии с методическими указаниями, изложенными в общей рекомендации № 33 Комитета, и обеспечить, чтобы жертвам насилия в семье и их детям предоставлялась оперативная и надлежащая поддержка, включая предоставление убежища и психологической помощи;

vi) предлагать правонарушителям программы реабилитации и программы использования ненасильственных методов урегулирования конфликтов;

vii) обеспечить обязательную подготовку судей, адвокатов и сотрудников правоохранительных органов, включая сотрудников полиции и прокуроров, а также социальных работников и психологов, по вопросам Конвенции, Факультативного протокола к ней и судебной практики Комитета и общих рекомендаций, в частности общих рекомендаций № 19, № 21, № 28 (2010) об основных обязательствах государств-участников по статье 2 Конвенции, № 33 и № 35, а также Стамбульской конвенции;

viii) разработать и внедрить эффективные меры по недопущению повторения подобных нарушений при активном участии всех соответствующих заинтересованных сторон в целях искоренения стереотипов, предрассудков, обычаев и практики, оправдывающих или поощряющих гендерное и семейно-бытовое насилие;

ix) оперативно выполнить рекомендации Комитета, в частности те, которые касаются борьбы с насилием в отношении женщин и содержатся в его заключительных замечаниях по объединенному четвертому-седьмому периодическому докладу Болгарии ([CEDAW/C/BGR/CO/4-7](#)).

7.16 Согласно требованиям пункта 4 статьи 7 Факультативного протокола, государство-участник надлежащим образом рассматривает мнения Комитета вместе с его рекомендациями и представляет Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом мнений и рекомендаций Комитета. Государству-участнику предлагается опубликовать информацию о мнениях и рекомендациях Комитета и обеспечить их широкое распространение, с тем чтобы ознакомить с ними все слои общества.